

УДК 908

DOI: 10.17223/19988613/50/6

М.В. Берсенева

СОЦИАЛЬНО-БЫТОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАБОТНИКОВ УГОЛЬНЫХ КАРЬЕРОВ КУЗБАССА В 1948–1965 гг.

*Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки РФ
(проект № 28.8279.2017/8.9).*

Статья посвящена успехам и недостаткам социального развития работников угольных карьеров Кузбасса со времени открытия первого карьера в 1948 г. до начала 1965 г., в котором началась реформа А.Н. Косыгина. Отмечается постепенное улучшение условий жизни горняков угольных карьеров, успехи жилищного строительства и благоустройства городов. Рабочие постепенно переселялись из землянок и ветхого деревянного жилья в новые дома. Улучшалось благоустройство городов. Данные изменения, а также память о недавних испытаниях страны приводили к улучшению ментального здоровья и социальной устойчивости работников. Однако к началу 1960-х гг. произошло заметное замедление улучшения социально-бытовых условий, что привело к ухудшению факторов ментального здоровья, падению трудовой дисциплины.

Ключевые слова: Кузбасс; угольные карьеры; социально-бытовое обеспечение; ментальное здоровье.

Советская эпоха оставила нам для анализа значительный опыт социального развития различных категорий населения. В настоящий момент, когда проблема социального развития и социальной защищенности в России стоит достаточно остро, нам было бы интересно исследовать основные пути развития этих процессов в рамках бурно развивавшегося региона, каким тогда являлся Кузбасс. Социально-бытовое развитие рабочих коллективов Сибири и Кузбасса было освещено в большом количестве работ.

Среди исследователей этой проблемы особо выделяются новосибирские историки С.С. Букин и М.М. Ефимкин. С.С. Букин [1] определил специфику основных этапов развития социально-культурной среды. М.М. Ефимкин [2] подошел к проблеме с точки зрения изменения социально-культурного облика рабочего, исследовал структуру доходов работников, изменение уровня профессиональной подготовки, проведение досуга. В исследованиях этих авторов затронут широкий круг вопросов, но не все они раскрываются с достаточной полнотой. Социальная сфера горняцких коллективов представлена в самом общем виде. Существуют также работы, посвященные урбанизации Сибири, но этот процесс понимался сугубо механически, как прирост городского населения [3]. Непосредственно рабочим коллективам Кузбасса большое количество работ посвятила К.А. Заболотская [4]. Нельзя обойти вниманием и работу Н.С. Головань, в которой специально рассматривается жилищная политика в Кузбассе [5].

Отметим, однако, что названные авторы оперировали в основном количественными показателями. В этой связи интересно рассмотреть состояние работников и их развитие в качественной плоскости – в формате понимания их самоощущения от происходящего в их непосредственном окружении, их удовлетворенности жизнью. В рамках решения этой задачи мы хотели бы использовать распространенную в психологии и со-

циологии, но не использовавшуюся ранее широко в историческом исследовании концепцию ментального, или психического, здоровья. Согласно определению Всемирной организации здравоохранения, «ментальное здоровье – это состояние благополучия, когда человек может реализовать собственный потенциал, справляться с жизненными стрессами, продуктивно работать и вносить вклад в свое сообщество» [6]. Сразу отметим, что мы проводим четкую границу между психическими болезнями и нарушениями в ментальном здоровье. Психические болезни – это нарушения функции человеческой психики, ментальное здоровье – ощущение человеком благополучия своей жизни. Крайние нарушения ментального здоровья могут приводить к психическим заболеваниям, но эти понятия ни в коем случае не тождественны.

Исследования ментального здоровья в западной литературе продолжаются более 50 лет и уходят корнями в более старые концепции, развивавшиеся в медицине с XIX в. Осветим некоторые из них, которые будут полезны в нашей работе. Так, Яхода [7] разделял ментальное здоровье на три зоны (самореализация, власть над окружающей средой, автономность). Хотя эти чувства достаточно важны для любого человека и их следует учитывать при анализе ментального здоровья, его концепция сразу же подверглась критике как отражающая в основном элементы индивидуалистической североамериканской культуры. Л. Антоновский [8] предложил «подход развития решений», в котором личность рассматривает собственный опыт как осмысленный, управляемый и значимый, а стрессогенное влияние иногда имеет не только негативные, но и позитивные следствия для личности. Т. Хейнонен и А. Меттери [9] предлагают измерители устойчиво положительного состояния ментального здоровья: прошлый опыт, тяжесть проблем, с которыми личность сталкивается в жизни, восприятие проблем самим че-

ловеком. Эти измерители можно применять в рамках исторического исследования.

В настоящем исследовании мы попытаемся проанализировать детерминанту, касающуюся окружающего рабочих Кузбасса социально-бытового мира в конце 40-х – середине 60-х гг. XX в. с тем, чтобы сформулировать вероятное состояние их ментального здоровья. Социально-бытовая среда включает в себя множество факторов: традиция поддержки «своих», политика государства в рамках обеспечения граждан основными культурно-бытовыми благами (жилье, обеспечение основными продуктами и товарами, доступность различных культурных мероприятий и т.д.). В настоящей работе мы попытаемся от количественного перейти к качественному анализу изменений социально-бытовых условий рабочих Кузбасса.

Успехи разработки угля открытым способом во многом определялись состоянием социальной сферы, которое было узким местом. Преобладала тенденция развития производства средств производства, в Кузбассе ставка делалась на добычу сырья, в добывающую отрасль направлялась основная часть средств. В данный период перед руководством страны прежде всего остро стояли вопросы восстановления промышленности и обороны страны (в 1949 г. был создан блок НАТО; США, ставшие вероятным противником, обладали атомным оружием и рассматривали вопрос его применения против «красной угрозы»). Вопросы социального развития коллективов отступали на второй план. Это негативно сказывалось на производительности труда. Торговля, общественное питание, производственная медицина – также необходимое условие успешного функционирования производственной среды в условиях, когда в основном используется труд вольных рабочих. Также примитивные условия труда негативно сказывались на ментальном здоровье работников и их рабочем энтузиазме.

Руководство предприятий стремилось к развитию культурно-бытовой инфраструктуры рабочих поселков. В целом можно выделить несколько направлений социально-бытового развития, на которых сосредоточивало свою деятельность руководство отрасли: 1) жилищное строительство; 2) организация рабочего снабжения горняков; 3) организация лечения и отдыха работников [10. Л. 32].

Жилье – важнейшее бытовое благо работника. Климатические условия Сибири определяют первостепенную потребность человека в крыше над головой. Жилье рассматривалось как способ закрепления рабочих на предприятиях, а Министерство угольной промышленности было одним из основных застройщиков в регионе. По программе жилищного строительства, разработанной на Конференции по изучению производительных сил Кузбасса (1948 г.), за 1950–1965 гг. в области было запланировано построить 20 млн кв. м жилья, из них силами Министерства угольной промышленности – 8 млн кв. м (металлургической – 4,7 млн, химиче-

ской – 1,2 млн, местных советов – 2 млн кв. м). Карьеры подчинялись территориальным трестам, а те, в свою очередь, комбинатам «Кемеровоуголь» и «Кузбассуголь», возведение жилья осуществлялось в основном за счет средств комбинатов, трестов, шахт и карьеров. Это предопределяло разрозненный характер горняцких поселков, несформированность многих городских центров.

За время войны население Кузбасса значительно увеличилось, а жилье в основном вводилось временного типа, капитальный ремонт не проводился. На начало четвертой пятилетки износ жилого фонда в кузбасских городах составлял 30–40%. Ситуация осложнялась тем, что средства на строительство расплывались [11]. Большая часть населения проживала в городах (в 1956 г. из 2,696 млн чел., проживавших в Кузбассе, 1,890 млн, или 71%, проживали в городах [12. С. 52], что определялось спецификой промышленного развития региона. Быстро росла численность работников карьеров (в 1950 г. – 819 человек, в 1956 – 6 941, в 1960 – 11 379, а к 1965 г. численность достигла 15 172 человек) [11. С. 18], т.е. за 17 лет увеличилась в 18,5 раза. Рост численности рабочих существенно опережал темпы роста жилищного строительства. С одной стороны, отметим, что отставание в строительстве оказывало негативное влияние на умственное здоровье работников, но, с другой стороны, действовали другие факторы, поддерживавшие оптимизм работников: сравнительно недавняя победа в Великой Отечественной войне, энтузиазм «общего дела». Кроме того, трудности понимались населением как временные, вызванные проблемами роста.

Как бы то ни было, жилье рабочих было в основном неблагоустроенным. Многие горняки Кузбасса в конце 1940-х гг. жили в землянках и полужемлянках, общежитиях с многоярусными нарами, каркасных домах (в общежитиях с многоярусными нарами проживали в 1946 г. 84% работников «Кузбассугля» и 62% комбината «Кемеровоуголь») [13. С. 198]. В общежитиях работников угольных предприятий по данным проверки, проведенной профсоюзами в 1950 г., обстановка была антисанитарной, не хватало мебели, было зачастую холодно [14. Л. 25], общежития были грязными, в них недоставало инвентаря, они были не радиофицированы [15. Л. 14].

Жилой фонд карьеров располагался в городах и частично в сельской местности, что оказывало влияние на степень благоустройства. В деревнях и рабочих поселках обычно размещались традиционные деревенские избы, частично – финские дома. На низком уровне было благоустройство городов. В Прокопьевске в 1950 г. не было налажено автобусное движение, плохое водоснабжение, дороги. Еще хуже дело обстояло с поселками карьеров, где иногда не было даже благоустроенных жилых домов [16. Л. 18, 24, 25, 29]. Многие улицы не были освещены, зачастую на одного человека приходилось не более чем по 3,5 кв. м, большая часть жилья была барачного типа [15. Л. 10]. Из-за неразвитости социальной сферы квалифицированные работники не стремились закрепиться в Куз-

бассе, в том числе по причинам, связанным с ментальным здоровьем: человек, как правило, стремится в такое место, где на его состояние не оказывают влияние негативные факторы.

Такое положение в городах и поселках региона вызвало озабоченность центральных органов власти. В Постановлении ЦК КПСС и Совета министров СССР от 6.03.1948 «О состоянии партийно-политической работы на шахтах Кузбасса» была подчеркнута необходимость улучшения условий труда и быта, отмечено бюрократическое отношение к этому вопросу руководства отраслью. Было, в частности, сказано, что Кемеровский обком «не проявлял заботу о кадрах, не привлек внимания партийных, профсоюзных, советских и хозяйственных организаций к делу улучшения материального и культурно-бытового обслуживания шахтеров, запустил руководство культурно-бытовыми учреждениями, ослабил общий контроль за работой жилищно-коммунальных отделов, магазинов, столовых и других организаций и предприятий, призванных обслуживать насущные нужды трудящихся» [17. С. 173]. В этом документе были намечены меры по преодолению сложившейся ситуации: взять под контроль жилищное строительство с тем, чтобы в течение 1948 г. перевести рабочих из землянок в благоустроенные общежития, усилить контроль за работой магазинов, столовых и других организаций. Это постановление привело к определенной переоценке значения социально-бытового развития. С конца 1940-х гг. уже при строительстве предприятий более-менее значительные суммы на строительство жилья закладывались в титульные списки строящихся объектов. Однако было бы ошибкой считать, что у партийного аппарата было последнее слово в решении социальных проблем населения. В.П. Романов (руководитель нескольких угольных предприятий, к концу рассматриваемого периода занимал пост начальника комбината «Кузбассуголь») вспоминал: «Все и вся определяли хозяйственники. Они сидели в партийных бюро, партийных комитетах, в органах советской власти и контролировали, определяли ситуацию. Если первый секретарь “выпрыгался”, он лишался должности на первом же очередном или внеочередном пленуме, который в любой момент мог превратиться в “организационный”» [18. С. 211]. Поэтому, какими бы ни были благими намерения партийных работников, они ставились в жесткие рамки интересов производственных планов, ведомственной подчиненности.

Работа по улучшению жилищных условий рабочих велась по ряду направлений, одним из которых было переселение людей из временных жилищ в более благоустроенные. Конечно, улучшение условий жилья позитивно сказывалось на ментальном здоровье работников. В конце 40-х – начале 50-х гг. для шахтеров Кузбасса ежегодно вводилось по 150–180 тыс. кв. м жилья. В основном это были 1–2-квартирные дома [19. С. 132], а в городах – 1–2-этажные [20. С. 132]. В те-

чение 1948 г. по комбинату «Кемеровоуголь» 3 580 человек были переведены из землянок в капитальные дома [21. С. 138], в общежитиях были ликвидированы двухъярусные спальные места, в отдельные квартиры переселены 1 637 семей [13. С. 198]. В 1949 г., по заявлениям руководства, было завершено переселение из землянок рабочих комбината «Кузбассуголь» [22. С. 41]. Такие заявления, однако, не следует принимать на веру. В дальнейшем землянки появлялись вновь и вновь, до 1960-х гг. Еще тяжелее сказывался разрыв между словами и делом на ментальном здоровье рабочих: как минимум один фактор, ожидание лучшего будущего, оказывался под угрозой.

В 1956 г. на одного проживающего в домах предприятий Министерства угольной промышленности в Кузбассе приходилось 5,6 кв. м (для сравнения: по энергетической – 4,2, черной металлургии – 3,3, химической – 3, строительной – 2,5) [Там же. С. 319]. В целом за 1950-е гг. для шахтеров Кузбасса было построено 950 тыс. кв. м жилья [23. С. 5] (всего по Кузбассу – около 5 млн кв. м жилплощади [24. С. 85]), из чего можно сделать вывод, что угольщики обеспечивались жильем лучше, чем рабочие других предприятий. В 1966 г. на каждого жителя в среднем по комбинату «Кузбасскарьеруголь» уже приходилось по 8,04 кв. м [25. Л. 1]. Успехи жилищного строительства для рабочих карьеров объясняются также тем, что их персонал, по сравнению с шахтами, был немногочисленным.

Однако принятые меры оказывались явно недостаточными. В начале 1960-х гг. обеспеченность жилплощадью жителей Кузбасса была ниже среднереспубликанских норм, отмечалась антисанитария жилищ. В период деятельности Советов народного хозяйства была сделана попытка преодоления ведомственного подхода к строительству жилья. В 1959 г. впервые в Западной Сибири Кемеровский областной исполком и совет народного хозяйства приступили к созданию организации, специализирующейся на строительстве гражданских объектов.

Появление в конце 1950-х – начале 1960-х гг. комбинатов крупнопанельного домостроения позволило обеспечить ускорение темпов строительства жилья, дома стали типовыми. Их строительство позволило облегчить проблему нехватки жилья в области: в 1960 г. общая полезная площадь в Кемеровской области составляла 17 227 тыс. кв. м (в Западной Сибири – 42 859, в РСФСР – 502 355) [26. С. 15].

Жилье возводилось различными методами (подрядным, индивидуальным, ведомственным), но преобладал ведомственный подход. За 1951–1955 гг. за счет государства для угольщиков Кузбасса было построено более 500 тыс. кв. м жилья [27. Л. 6], а за тот же период посредством индивидуального строительства и на собственные средства предприятий – 2 609 тыс. кв. м жилплощади [21. С. 319], преобладали индивидуальное строительство и хозспособ. Необходимость развития этих методов строительства диктовалась и нехваткой

кадров в строительных организациях [28. С. 143]. Кроме того, практиковалась выдача кредитов на строительство жилья, но в сравнительно небольших размерах. В 1957 г. планировалось по государственному кредитованию построить 466 тыс. кв. м, в 1960 г. – 1 128 тыс. кв. м [29. С. 9].

Разрезы на этом фоне не выделялись. Например, поселок разреза Бачатского в 1950 г. состоял из нескольких деревянных домиков, а также сборных финских [30]. В распоряжении карьера «Краснобродский» было 5 деревянных домов, в которых проживали 36 чел [31. Л. 21]. Шахткомы постоянно рассматривали просьбы работников о выделении им ссуд или материалов (дерева) для строительства собственных домов. Обычно выдавались ссуды в размере до 5 тыс. рублей [27. Л. 94] либо материалы объемом от 10 до 20 куб. м. Так, за 6 месяцев 1955 г. был выделен лес 22 членам профсоюза Красногорского разреза, одному была выделена ссуда на строительство. Предприятиями обычно предоставлялись не только материалы, но и транспорт для их перевозки [32. Л. 4, 4а, 16, 22]. Впрочем, развертывание индивидуального строительства не находило поддержки у большинства трудящихся. Особенно это проявилось в конце периода, когда было существенно ограничено льготное кредитование на индивидуальное строительство.

В начале 1960-х гг. социально-бытовые проблемы обострились [33. С. 26]. Замедление развития экономики не позволило полностью реализовать жилищные проекты правительства. Хотя в 1965 г. в среднем вводилось в строй 53 квартиры в сутки, в городах области появлялось все больше «долгостроев». Из-за расплытия средств по объектам страдала сфера жилищного строительства. Появление «хрущевок» не украшало архитектурный облик городов и рабочих поселков. Скорее наоборот, по сравнению с домами начала 1950-х гг., построенными по индивидуальным планам с привязкой к окружающей местности, типовые дома выглядели значительно хуже.

Следует отметить, что в исследуемый период (до середины 1960-х гг.) труженики разрезов не имели возможности селиться в «хрущевках», на этих предприятиях продолжали возводить жилье традиционными способами. Только постепенно, по мере развития общественного транспорта, руководство предприятиями в какой-то степени отказалось от идеи приближения жилых кварталов к производству. В горисполкомках начали создаваться отделы капитального строительства. Разрезы начали заключать с хозяйственными органами договоры на строительство. Однако ведомственный способ возведения жилья преобладал. Одновременно на предприятиях продолжалась работа по стимулированию индивидуального строительства, но в крупных городах оно было свернуто и продолжалось нелегально, что привело к появлению самозастроенных поселков-«нахаловок».

Качество жилья в 1950-е – начале 1960-х гг. должно было быть невысоким. Даже в конце 1950-х гг. в

городах Кузбасса была недостаточно развита водопроводная сеть, канализацией было оснащено 10–15% жилплощади, газом она не снабжалась [20. С. 105]. Более 133 тыс. кв. м жилья располагались в зданиях барачного типа, домах в аварийном состоянии. 483 семьи жили в полуподвальных помещениях, 547 – в зоне терриконов. Водопроводы были маломощными – в целом жители области были обеспечены 7–10 литрами воды в день на человека [15. Л. 10]. Однако к концу периода жилье, принадлежавшее карьерам, было более благоустроенным, чем у других производственных объединений. Общая жилплощадь, находившаяся на балансе комбината «Кузбасскарьеруголь», составляла 290 453 кв. м, оснащено водопроводом было 82,85%, канализацией – 73,08%, центральным отоплением – 78,75% [26. Л. 1] (в целом по области 71, 64 и 57% соответственно) жилплощади [20. С. 108].

Таким образом, анализируя влияние жилищных условий на ментальное здоровье трудящихся, мы не можем не отметить, что, несмотря на большое количество трудностей, в данной сфере были достигнуты значительные улучшения, что влияло на ментальное здоровье людей положительно. Но не всегда качество жилья соответствовало городскому уровню жизни, однако даже неблагоустроенным жильем вполне могла довольствоваться сельская молодежь, демобилизованные солдаты, выходцы из мест заключения и т.д.

У работника разреза в основном было два места пребывания: дом и работа, и улучшение жилищных условий для людей, которые каждодневно должны были возвращаться в свои дома, конечно, заставляло людей с большим оптимизмом смотреть в завтрашний день. Понимание того, что еще недавно была перенесена самая тяжелая война в истории человечества, что наша страна вышла из нее победительницей, служило практически всем людям в этот период объяснением трудностей в жилищном строительстве, трудности скорее воспринимались как временные и решаемые.

Одновременно с развертыванием жилищного строительства решались вопросы рабочего снабжения и общественного питания. В решении этих вопросов ярко проявилась особенность социальной политики советского государства – госпатернализм. В области были созданы Управления рабочего снабжения каждого из отраслевых министерств. Наиболее влиятельным среди них было Управление рабочего снабжения Министерства угольной промышленности СССР. Управление рабочего снабжения имело свои территориальные подразделения – отделы рабочего снабжения (ОРСы) [34. Л. 21–22].

В подчинении Управления рабочего снабжения Министерства угольной промышленности по Кузбассу находились 283 магазина, из них 134 продуктовых, 64 хлебных, 4 плодоовощных, 3 мясо-рыбных, 9 бакалейно-гастрономических, 28 промтоварных, 121 смешанный (их число постоянно на протяжении периода уменьшалось) и торговые точки другого типа (ларьки,

киоски, перевозные торговые точки) [35]. Сеть магазинов не была развитой. Плохо работали городские пищевые комбинаты, не хватало бань [15. Л. 21]. Не хватало овощей и фруктов, рыбных изделий, промтоваров. Жители Кузбасса испытывали особые трудности в приобретении рыбы (например, маринованной сельди, рыбных консервов, копченой рыбы), животных жиров, зато были в избытке молочные продукты [36. Л. 4], колбаса, птица [Там же. Л. 48]. Ситуация со снабжением рабочих была нестабильной, и к началу 1960-х гг. проявился дефицит хлебобулочных изделий, мясомолочных продуктов. По-прежнему недоставало промтоваров [37. С. 171]. С другой стороны, в целом угольщики были лучше обеспечены товарами массового потребления, чем другие группы населения, а Кузбасс снабжался лучше других регионов Сибири, что определялось его стратегическим значением.

С целью восполнения дефицита продтоваров предприятия предоставляли своим работникам землю для выращивания овощей, развода скота, причем зачастую вспашка земли на таких участках производилась силами разрезов. Подсобные хозяйства, содержащиеся горняками, играли определенную роль в восполнении недостатка продуктов. Кроме того, подсобные хозяйства находились и в подчинении предприятий. Они производили сельскохозяйственную продукцию (главным образом для столовых на предприятиях, а также – в незначительной степени – для продажи работникам продуктов). Конечно, такая ситуация оказывала скорее негативное влияние на ментальное здоровье людей. Постоянные сбои с обеспечением работников важнейшими продуктами, с одной стороны, заставляли людей вместо отдыха посвящать часть свободного времени частным огородам (хотя для недавних крестьян, каковыми были многие работники разрезов, такая ситуация, возможно, и не рассматривалась как нечто чрезвычайное). С другой стороны, невозможность купить какие-либо продукты, нестабильность снабжения «давила» на людей, отравляла им жизнь, создавала неприятный фон, типичный для трудных периодов советского времени.

Организация горячего питания горняков тоже была в компетенции Управления рабочего снабжения. В подчинении ОРСов находилась в 1950-е гг. Качество блюд, продававшихся в таких столовых, было низким, поступали жалобы на недостаточный ассортимент [2. С. 230]. На многих предприятиях открытой добычи угля в первые годы их существования не было ни столовой, ни буфета. Так, в 1949 г. по ОРСу «Сталинуголь» работали 43 столовых, «Прокопьевскуголь» – тоже, «Кагановичуголь» – 40, «Молотовуголь» – 30, «Куйбышевуголь» – 16, однако большая их часть располагалась на шахтах [36. Л. 48]. По отдельным трестам столовых не хватало. Следует, однако, сказать о специфике угольной промышленности. По роду своей работы многие группы трудящихся карьеров (как и шахт) неспособны организованно прерываться на обеденный перерыв, так как отделены от столовых боль-

шим расстоянием, в основном же на обед приносились «тормозки» из дома. Однако можно сказать, что скорее работниками разрезов эта ситуация воспринималась как данность, и питание «домашним» вряд ли могло оказать слишком сильное негативное воздействие на их ментальное здоровье.

Условия труда и проживания оказывают наибольшее воздействие на ментальное здоровье человека прежде всего потому, что именно в рамках этих двух сфер он и проживает большую часть жизни. Но был еще один фактор, серьезно влиявший на социальное самочувствие работников карьеров: возможность провести отпуск либо получить профилакторное лечение. Карьеры, обладая незначительными материальными ресурсами, первоначально оказались неспособными широко развивать сферу рекреации своих тружеников. Впрочем, рекреационная деятельность в конце 1940-х – начале 1950-х гг. вообще в Кузбассе не была развитой. В 1949 г. в области был всего один дом отдыха для работников угольной промышленности, а также только два дома отдыха для работников других отраслей [14. Л. 130а]. В конце 1950-х гг. ситуация улучшилась: был открыт санаторий для горняков «Зенковский парк» [37. С. 153], в 1965 г. для работников разреза «Бачатский» построен профилакторий на 75 мест [38. С. 101], на юге области был открыт Прокопьевский санаторий. Кроме того, рабочие пользовались возможностью отдыхать в домах отдыха всего Советского союза, часто на отдых выезжали в Крым, на Кавказ, на курорты Средней Азии. Средняя стоимость путевки в санаторий внутри области составляла около 200 рублей, зачастую профсоюзом оплачивалось от 70 до 100% стоимости. Проводилась политика выравнивания права на отдых всех трудящихся: наиболее низкооплачиваемым категориям (уборщицам, нижникам и т.д.) выдавались путевки бесплатно либо с компенсацией части стоимости.

Одновременно с сетью домов отдыха и профилакториев карьеров развивалась сеть пионерских лагерей для детей горняков. Путевка в пионерлагерь (в ценах до 1961 г.) стоила 186 руб. Сеть пионерлагерей в начале 1950-х гг. была развита недостаточно, мест не хватало. При распределении путевок руководство предприятиями следовало принципам социальной справедливости: низкооплачиваемые категории работников имели возможность устроить своих детей на лето в лагерь бесплатно либо оплатив не более 30% от стоимости путевки [27. Л. 94]. К середине 1960-х гг. сеть учреждений детского отдыха расширилась, каждое предприятие уже имело пионерлагерь и проблема летнего отдыха детей была снята. Несомненно, такое развитие рекреационной сферы деятельности положительно влияло на ментальное здоровье работников Кузбасса. Возможность отправить своих детей или самим на время отправиться из неблагоустроенного жилья в дом отдыха, санаторий, условия в котором были достойными для того времени, конечно, вселяла в людей оптимизм.

Еще один позитивный фактор, повлиявший на ментальное здоровье работников карьеров, – доступность культурных мероприятий. Хотя к началу указанного периода в новых поселках часто не бывало кинотеатра или дома культуры, но в конце 1950-х гг. дома культуры, кинотеатры либо агитплощадки для танцев, показа фильмов и т.д. были практически во всех поселениях, где жили работники карьеров. В городах этот процесс развивался еще быстрее. С. Кара-Мурза описывает этот феномен так: «Да, многие жили в старых деревянных домах и бараках, но после работы могли пойти и писать маслом картину, а сынок их играл на скрипке или мандолине. Неоценимая отдушина, и давало силы. Эти дома культуры были частью нашего быта, причем для всех без исключения. Туда и театры приезжали, и поэты» [39. С. 821].

Таким образом, в 1948–1965 гг. в открытой угледобыче Кузбасса сложилась ситуация, которая, как мы полагаем, влияла на ментальное здоровье работников положительно. Хотя проблемы жилищной сферы оставались очень острыми, вместе с тем условия жизни за 17 лет улучшились значительно, создавая своеобразный «эффект базы»: люди понимали, что живут не слишком хорошо, но также понимали, что их жилищные условия постоянно улучшаются, а качество жизни растет. Вместе с другими условиями (улучшение снабжения работников разрезов, улучшение условий труда, падение смертности от производственных факторов, повышение образовательного уровня) развитие жилищного строительства помогало работникам разрезов

поверить в поступательное улучшение жизни. Память о прошедшей страшной войне и вера в то, что скоро наступит долгожданный коммунизм, также на протяжении этого периода создавали положительный эмоциональный настрой. Скорее негативно влияли на ментальное здоровье работников перебои со снабжением, часто возникающий дефицит на товары.

Вместе с тем в начале периода к такому положению вещей люди склонны были относиться с пониманием: прошедшая война и вероятная военная угроза со стороны западных стран в это время могли служить объяснением и утешением практически для всех людей. Кроме того, традиционный для наших людей выход – развитие собственных огородов – частично решал их проблемы. Серьезное влияние оказывала возможность за небольшую цену или вовсе бесплатно провести свой отдых. Конечно, это влияние было позитивным. Однако к концу периода ментальное здоровье работников разрезов снова оказалось под угрозой, поскольку завышенные ожидания начала периода постепенно переставали оправдываться. Все детерминанты ментального здоровья оказывались под угрозой: условия жизни рабочих все еще были неудовлетворительными, от будущего не ожидали особых успехов, некоторые работники оценивали ситуацию довольно негативно. Однако прошлый опыт (победа в войне, пережитые тяжелые испытания) продолжали оставаться основой для оптимизма и укрепляли ментальное здоровье рабочих угольных карьеров Кузбасса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Букин С.С. Строительство объектов социально-бытовой инфраструктуры городов Сибири // Урбанизация Советской Сибири. Новосибирск, 1987.
2. Ефимкин М.М. Источники и формы пополнения рабочих Западной Сибири в условиях развитого социализма. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-е, 1979.
3. Алексеев В.В. Освоение Сибири: исторический очерк и современность (конец XVIII в. – 80-е гг. XX в.). Свердловск, 1990.
4. Угольная промышленность Кузбасса. 1721–1996. Кемерово : Книж. изд-во, 1997. 302 с.
5. Головань Н.С. Государственная жилищная политика в городах Кемеровской области (1943–1950 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2006.
6. Психическое здоровье. Информационный бюллетень // Сайт Всемирной организации здравоохранения. URL: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs220/ru>.
7. Jahoda M. Current concepts of positive mental health. N.Y. : Basic Books, 1958.
8. Antonovsky A. Health, stress and coping. San Francisco : Jossey-Bass, 1979.
9. Хейнонен Т., Меттери А., Лич Дж. О применении детерминант и измерений здоровья в социальной работе // Социальная работа: образование и практика. Томск, 2013.
10. Государственный архив Кемеровской области (далее – ГАКО). Ф. Р-981. Оп. 1. Д. 9.
11. Открытая добыча угля в Кузбассе, 1950–1970 (статистический справочник). Кемерово : Книж. изд-во, 1972.
12. Народное хозяйство РСФСР : стат. сб. М. : Госстатиздат, 1957.
13. Угольная промышленность Кузбасса. Кемерово, 1995.
14. ГАКО. Ф. Р-792. Оп. 1. Д. 7.
15. ГАКО. Ф. Р-496. Оп. 1. Д. 4.
16. ГАКО. Ф. П-26. Оп. 6. Д. 150.
17. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1985. Т. 8.
18. Романов В.П. Пласт углекаменный. Кемерово : ВЕСТЬ, 2003.
19. Горбачев Т.Ф., Кожевин В.Г., Карпенко З.Г. и др. Кузнецкий угольный бассейн. М., 1957.
20. Куксанова Н.В. Организация жилой среды населения Сибири в 1956–1980 годах // Социально-культурное развитие Сибири. Новосибирск, 1991.
21. Рабочий класс Сибири в период упрочения и развития социализма. Новосибирск : Наука, 1984.
22. Рубежи шахтерской славы. Кемерово, 1970.
23. Кожевин В.Г. Встретим десятую годовщину Дня шахтера новыми производственными успехами // Уголь. 1957. № 8.
24. Окладников А.П., Кузьмина З.В. и др. Кузбасс: прошлое, настоящее, будущее. Кемерово : Книж. изд-во, 1978.
25. ГАКО. Ф. Р-524. Оп. 1. Д. 79.
26. Ефимкин М.М. Рабочие Сибири. Конец 50-х – начало 80-х годов. Новосибирск : Наука, 1990.
27. ГАКО. Ф. Р-404. Оп. 1. Д. 18.

28. Куксанова Н.В. Развитие коммунально-бытового обслуживания в городах и рабочих поселках Западной Сибири во второй половине 50-х годов // Социальные аспекты индустриального развития Сибири / под ред. В.В. Алексеева. Новосибирск : Наука, 1983.
29. Пилипец С. Широкие горизонты // Сибирские огни. 1958. № 1.
30. Лесников П., Локонов В. Директор // Кузбасс. 1982. 4 июля.
31. ГАКО. Ф. Р-304. Оп. 4. Д. 1349.
32. ГАКО. Ф. Р-981. Оп. 1. Д. 1.
33. Куксанова Н.В. Социально-бытовое развитие городов Сибири в 60–70-е годы. Новосибирск, 1994.
34. ГАКО. Ф. П-26. Оп. 8. Д. 210.
35. ГАКО. Ф. П-126. Оп. 30. Д. 2.
36. ГАКО. Ф. Р-612. Оп. 1. Д. 16.
37. Коновалов А.Б. История Кемеровской области в биографиях ее руководителей. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2004.
38. Богачук А. Разрез защищает диплом. Кемерово : Книж. изд-во, 1981.
39. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. М. : Алгоритм, 2016.

Bersenev Maxim V. Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russia). E-mail: m.bersenev@gmail.com
SOCIAL AND WELFARE SERVICES OF THE WORKERS OF KUZBASS COAL OPENCAST MINES IN 1948–1965.

Keywords: mental health; Kuzbass; open coast mine; social development.

The aim of this article is to study the processes of social development of the Kuzbass coal quarry workers since the opening of the first career in 1948 up to the beginning of 1965 in connection with the mental health of the workers that had been changing due to the changes in their social and economic environment. Task and objectives of this research are: to find out the main factors of social development, to understand how they were changing during that period and to answer the question, how the mental health of quarry workers was changing due to the changes in their social development. The methodological base of this research was the system analyses, history-genetic method, method of historical periodization as well as the mental health theory. The author used the wide range of studies to reach his goal. Some of them are the articles of Russian and Siberian historians who wrote about the Siberian working class in the Soviet time, its social and economic development and problems (A. Okladnikov, S. Bukin, M. Efimkin, V. Alekseev, N. Kuskhanova). In addition, the author studied the materials of Kemerovo State Archive (funds of different manufacturing groups, documents of the Communist Party etc.), statistical books and the articles of local newspapers. Also the articles of the theorists in mental health were used. We can make the following conclusions. In the Kuzbass open coal mining there was a situation, which we believe affected the mental health of employees positively. Although the problems of the housing sector remained very sharp, however, the living conditions of these 17 years improved significantly, creating a kind of “base effect” – people understood that they lived not too good, but also understood that their living conditions were improving, and the quality of life increased. Together with other conditions (improved supply of workers, better working conditions, mortality fall of production factors, increase of the educational level) housing development helped employees to believe in progressive improvement of life. The memory of the war and the belief in soon coming of the long-awaited communism during this period also were creating a positive emotional state. However, by the end of the period the mental health of cuts workers again has been threatened since the beginning of the period of high expectations gradually ceased to be justified.

REFERENCES

1. Bukin, S.S. (1987) Stroitel'stvo ob'ektov sotsial'no-bytovoy infrastruktury gorodov Sibiri [Construction of objects of social and household infrastructure in Siberian cities]. In: Alekseev, V.V. (ed.) *Urbanizatsiya Sovetskoy Sibiri* [Urbanisation of Soviet Siberia]. Novosibirsk: SB RAS.
2. Efimkin, M.M. (1979) *Istochniki i formy popolneniya rabochikh Zapadnoy Sibiri v usloviyakh razvito go sotsializma* [Sources and forms of replenishment of workers in Western Siberia of developed socialism]. Novosibirsk: Nauka.
3. Alekseev, V.V. (1990) *Osvoenie Sibiri: istoricheskiy ocherk i sovremenno st' (konets XVIII v. – 80 e gg. XX v.)* [The development of Siberia: A historical sketch and the present (the late 18th century – the 1980s)]. Sverdlovsk: [s.n.].
4. Zabolotskaya, K.A., Khaliulina, A.A. & Karpenko, Z.G. (1997) *Ugol'naya promyshlennost' Kuzbassa. 1721–1996* [Kuzbass coal industry in 1721–1996]. Kemerovo: Knizhnoe izdatel'stvo.
5. Golovan, N.S. (2006) *Gosudarstvennaya zhilishchnaya politika v gorodakh Kemerovskoy oblasti (1943–1950 gg.)* [State housing policy in the cities of Kemerovo Region (1943–1950)]. Abstract of History Cand. Diss. Tomsk.
6. WHO. (n.d.) *Psikhicheskoe zdorov'e. Informatsionnyy byulleten'* [Mental health. Newsletter]. [Online] Available from: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs220/ru>.
7. Jahoda, M. (1958) *Current concepts of positive mental health*. New York: Basic Books.
8. Antonovsky, A. (1979) *Health, stress and coping*. San Francisco: Jossey-Bass.
9. Heinonen, T., Metteri, A. & Leach, J. (2013) O primenenii determinant i izmeneniy zdorov'ya v sotsial'noy rabote [On application of determinants and measurements of health in social work]. In: Grik, N.A. (ed.) *Sotsial'naya rabota: obrazovanie i praktika* [Social work: education and practice]. Tomsk: Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics.
10. *The State Archive of the Kemerovo Region (GAKO)*. Fund R-981. List 1. File 9.
11. Kemerovo Region. (1972) *Otkrytaya dobycha uglya v Kuzbasse, 1950–1970 (statisticheskiy spravochnik)* [Open coal mining in the Kuzbass, 1950–1970 (A Statistical Handbook)]. Kemerovo: Knizhnoe izdatel'stvo.
12. Soviet Union. (1957) *Narodnoe khozyaystvo RSFSR: statisticheskiy sbornik* [The national economy of the RSFSR: A statistical collection]. Moscow: Gosstatizdat.
13. Anon. (1995) *Ugol'naya promyshlennost' Kuzbassa* [Kuzbass coal industry]. Kemerovo: [s.n.].
14. *The State Archive of the Kemerovo Region (GAKO)*. Fund R-792. List 1. File 7.
15. *The State Archive of the Kemerovo Region (GAKO)*. Fund R-496. List 1. File 4.
16. *The State Archive of the Kemerovo Region (GAKO)*. Fund P-26. List 6. File 150.
17. Egorov, A.G. & Bogolyubov, K.M. (eds) (1985) *KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'ezdov, konferentsiy i plenimov TsK* [The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee]. Vol. 8. Moscow: In-t marksizma-leninizma.
18. Romanov, V.P. (2003) *Plast uglekamennyy* [The carbonaceous bed]. Kemerovo: VEST.
19. Gorbachev, T.F., Kozhevnikov, V.G., Karpenko, Z.G. et al. (1957) *Kuznetskiy ugol'nyy basseyn* [Kuznetsk coal basin]. Moscow: Ugletekhizdat.
20. Kuskhanova, N.V. (1991) *Organizatsiya zhiloy sredy naseleniya Sibiri v 1956–1980 godakh* [The organisation of the residential environment of the Siberian population in 1956–1980]. In: Goryushkin, L.M. (ed.) *Sotsial'no-kul'turno razvitie Sibiri* [Socio-cultural development of Siberia]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
21. Alekseev, V.V. (ed.) (1984) *Rabochiy klass Sibiri v period uprocheniya i razvitiya sotsializma* [Siberian working class of during the consolidation and development of socialism]. Novosibirsk: Nauka.

22. Karpenko, Z.G. (ed.) (1970) *Rubezhi shakhterskoy slavy* [Boundaries of Miner's Glory]. Kemerovo: Knizhnoe izdatel'stvo.
23. Kozhevnikov, V.G. (1957) Vstretim desyatyuyu godovshchinu Dnya shakhtera novymi proizvodstvennymi uspekhami [We will meet the tenth anniversary of the Miner's Day with new production successes]. *Ugol'*. 8.
24. Okladnikov, A.P., Kuzmina, Z.V. et al. (1978) *Kuzbass: proshloe, nastoyashchee, budushchee* [Kuzbass: Past, present, future]. Kemerovo: Knizhnoe izdatel'stvo.
25. *The State Archive of the Kemerovo Region (GAKO)*. Fund R-524, List 1. File 79.
26. Efimkin, M.M. (1990) *Rabochie Sibiri. Konets 50-kh – nachalo 80-kh godov* [Siberian workers. The late 1950s – the early 1980s]. Novosibirsk: Nauka.
27. *The State Archive of the Kemerovo Region (GAKO)*. Fund R-404. List 1. File 18.
28. Kuksanova, N.V. (1983) Razvitie kommunal'no-bytovogo obsluzhivaniya v gorodakh i rabochikh poselkakh Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine 50-kh godov [The development of public services in cities and workers' settlements of Western Siberia in the second half of the 1950s]. In: Alekseev, V.V. (ed.) *Sotsial'nye aspekty industrial'nogo razvitiya Sibiri* [Social aspects of Siberian industrial development]. Novosibirsk: Nauka.
29. Pilipets, S. (1958) *Shirokie gorizonty* [Wide horizons]. *Sibirskie ogni*. 1.
30. Lesnikov, P. & Lokonov, V. (1982) Direktor [Director]. *Kuzbass*. 4th July.
31. *The State Archive of the Kemerovo Region (GAKO)*. Fund R-304. List 4. File 1349.
32. *The State Archive of the Kemerovo Region (GAKO)*. Fund R-981. List 1. File 1.
33. Kuksanova, N.V. (1994) *Sotsial'no-bytovoie razvitie gorodov Sibiri v 60–70-e gody* [Social and household development of Siberian cities in the 1960–1970s]. Novosibirsk: Nauka.
34. *The State Archive of the Kemerovo Region (GAKO)*. Fund P-26. List 8. File 210.
35. *The State Archive of the Kemerovo Region (GAKO)*. Fund P-126. List 30. File 2.
36. *The State Archive of the Kemerovo Region (GAKO)*. Fund R-612. List 1. File 16.
37. Kononov, A.B. (2004) *Istoriya Kemerovskoy oblasti v biografyakh ee rukovoditeley* [History of Kemerovo region in the biographies of its leaders]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
38. Bogachuk, A. (1981) *Razrez zashchishchaet diplom* [Surface mine defends its diploma]. Kemerovo: Knizhnoe izdatel'stvo.
39. Kara-Murza, S.G. (2016) *Sovetskaya tsivilizatsiya* [Soviet Civilisation]. Moscow: Algoritm.